

Ворон.

Раннее утро в поселке Цинши разбудил петушиный крик.

Если быть точным, его разбудили три миллиона стоящих на голове петухов. Простояв на голове всю ночь, эти птицы обрели некий едва уловимый оттенок в голосе — их кукареканье звучало на целый тон выше, чем у нормальных петухов, а хвостики в конце подрагивали вверх. Походило это не на приветствие рассвету, а на вопросы.

— Ку-ка-ре-ку... м?

Весь поселок не выспался.

Я тоже не выспался.

И вовсе не из-за петухов. А потому что прошлой ночью Лю Руянь и Шэнь Цзинчжэ завели беседу, которую я запомню на всю жизнь, — о том, кому караулить первую половину ночи, а кому вторую.

Лю Руянь заявила: «Я старшая сестра, я буду дежурить в первую половину».

Шэнь Цзинчжэ ответил: «Я культиватор меча, мне не нужен сон».

Лю Руянь возразила: «Сторожить ночь тому, кому не нужен сон, бессмысленно».

Шэнь Цзинчжэ парировал: «Есть смысл. Я смогу смотреть на тебя, пока ты спишь».

Лицо Лю Руянь покраснело на три секунды, после чего она обнажила меч.

Конечно, до драки не дошло. Шэнь Цзинчжэ изначально и не думал обнажать оружие — он просто констатировал факт: он действительно не нуждался во сне. С тех пор как десять лет назад он вышел из Бездны Демонов, его сон заменила ци меча. Стоило закрыть глаза, как в сердце вонзались мириады мечей, и лишь открыв их, он мог остаться в живых.

Услышав это, Лю Руянь долго молчала.

Затем она произнесла: «Тогда я составлю тебе компанию в первую стражу».

Шэнь Цзинчжэ не отказался.

В итоге я постелил себе в углу пельменной и, засыпая, сквозь дрему слушал их обрывистые разговоры. Последней картинкой, запечатлевшейся перед тем, как меня сморил сон, были Лю Руянь, сидевшая на пороге и любующаяся луной, и Шэнь Цзинчжэ, прислонившийся к косяку и полирующий меч. Лунный свет вытянул их тени, сплетя воедино, словно они слились в неполном объятии.

Мне вдруг подумалось, что старшая сестра, возможно, осталась здесь вовсе не из-за тотализатора.

Но вслух я этого произнести не осмелился.

Боялся, что стоит мне сболтнуть лишнего, как Небесный Путь подбросит всплывающее окно: «Вердикт Святого верен, немедленно сосватать».

А после Лю Руянь меня прикончит.

С наступлением рассвета пельменная вновь открылась.

Шэнь Цзинчжэ рубил начинку на задней кухне, Лю Руянь протирала столы в передней, а я приколотил у входа новую вывеску.

На ней значилось:

«Пельмени с тремя деликатесами — Бесплатно для Святого Конфуцианцев, за полцены для старшей сестры, любителям тотализатора вход заказан».

Последнюю строчку Шэнь Цзинчжэ тайком вырезал прошлой ночью, и когда Лю Руянь ее увидела, то смеялась добрых полчашки чая, после чего приписала рядом свою:

«Курица на голове — скидка двадцать процентов».

— С чего это вдруг? — поинтересовался я.

— У птиц, простоявших на голове, мясо плотнее. Вчера Чжоу Дафу прислал пару тушек на пробу — и правда вкуснее обычных, — Лю Руянь облизала губы. — Поэтому я решила ввести новое блюдо — полоски куриного мяса из перевертышей. Отныне в нашей лавке будут подаваться и пельмени, и лапша.

— Подожди-ка. В нашей лавке?

— Ну да. Простой ночью мы с Шэнь Цзинчжэ все обсудили. Я вкладываю средства в расширение лавки, он дает мастерство и вывеску, а ты — имя Святого. Трое в доле, прибыль поровну на троих, а оставшаяся десятая часть пойдет в общую кассу.

— ...А где в момент вашего обсуждения находился я?

— Ты храпел.

Я уставился на Шэнь Цзинчжэ. Он выглянул из-за занавески задней кухни, с кухонным тесаком в руке, и бесстрастно произнес:

— Ты действительно храпишь во сне.

— Дело ведь не в храпе!

— А в чем?

А в том, что меня, номинальное ключевое лицо нашей команды, во сне лишили контроля над пельменной. Хотя контроля у меня отродясь не было. И пельменная изначально мне не принадлежала.

Ладно.

Я вздохнул и вынес к порогу табурет.

Утреннее солнце радовало глаз, ветер шумел в листве старого вяза. Улицы поселка оживали, торговцы зеленью, дровами и тофу перекликались звонкими зазывами. Проходившие мимо горожане с острым глазом то и дело останавливались возле лавки, тыча пальцами в вывеску.

— Бесплатно для Святого? Кто это тут у нас Святой?

— Да вон тот молодой человек у входа. Говорят, из Секты Лазурного Облака, его слова имеют силу императорского указа.

— Правда что ли? Не похоже, самый обычный паренек.

— Ну, Святые люди — они скромные.

Я опустил взгляд на собственные одежды: выстиранный добела длинный халат, запыленные матерчатые тупоносые туфли, слегка припухшие от недосыпа веки.

И впрямь скромный.

Настолько скромный, что сам позабыл о своем святом статусе.

В этот момент тишину раннего утра разорвал хлопок крыльев.

Черная, как смоль, птица вылетела из лесочка на восточной окраине поселка, пронеслась над макушкой вяза, трижды крутанулась надо мной и точно опустилась мне на плечо.

Ворон.

Совершенно черный ворон с лоснящимися перьями и темно-красными глазами, точно два раскаленных уголька.

К его лапе была привязана бамбуковая трубочка.

Черная бамбуковая трубочка.

— Что это? — Лю Руянь вышла из лавки, сжима Гя в руке половую тряпку.

— Ворон. Черный.

— Я и сама вижу цвет, — она подошла ближе, уставившись на бамбуковую трубку на лапе птицы, и ее лицо слегка переменилось. — На этой трубке вырезаны руны.

Шэнь Цзинчжэ неизвестно когда тоже вышел наружу; в его руке все еще зажимался тесак, а к лезвию прилип кусочек зеленого лука. Бросив взгляд на руны, он нахмурился.

— Узор Разрыва Миров, — бросил он.

— Что это значит?

— Это значит, что ворон сюда не летел. Шэнь Цзинчжэ перехватил тесак в левую руку, а правая непринужденно легла на рукоять меча на поясе. — Его перенесли сюда напрямую с помощью пространственной формации. Такие узоры — древние руны, в нынешнем мире бессмертных почти никто не умеет их вырезать.

Лю Руянь неосознанно отступила на полшага назад.

— Древние руны? И сколько же им лет?

— По меньшей мере пять тысяч.

Вещи пяти тысячелетней давности.

Привязанные к вороньей лапе.

Специально доставленные мне.

Я посмотрел на воронку, сидевшую на моем плече. Птица склонила голову набок, уставившись на меня багровыми глазами, после чего разинула клюв и издала хриплый каркающий звук.

Вовсе не карканье.

А человеческую речь.

— Сюй Ань.

Ворон заговорил.

Голос звучал старо и сухо, словно две шкурки наждачной бумаги терлись друг о друга.

Но это был не птичий голос.

Человеческий.

Тряпка из рук Лю Руянь упала на землю.

Шэнь Цзинчжэ обнажил меч.

Я сидел на табурете, не смея шевельнуться.

Не то чтобы мне не хотелось — просто ноги отказывались повиноваться. С той самой секунды, как ворон произнес мое имя, ледящий холод от самых пят ринулся к макушке, пригвоздив меня к месту.

Ворон продолжил:

— Сюй Ань.

— Десять лет назад в горах за сектой ты спас одного человека.

— Сейчас этот человек при смерти.

— Если хочешь спасти его, в течение трех дней явись на Равнину Белых Костей Северного Домена. Прихвати с собой своего Демона Меча.

Ворон на мгновение умолк, его злоешие багровые глаза сверкнули, и он вымолвил последние слова:

— И прихвати с собой миску пельменей.

Затем птица закрыла клюв.

Темно-красные глаза вновь стали обычными, черными.

Взмахнув крыльями, ворон прыгнул с моего плеча, сделал пару прыжков по земле и принялся клевать крошки хлеба, совсем как рядовая пернатая тварь.

Будто ничего и не произошло.

Трое у крыльца замерли на целых десять ударов сердца.

Наконец Лю Руянь подала голос:

— Что он сейчас сказал?

— Равнина Белых Костей Северного Домена, тот человек при смерти, велел захватить Демона Меча и заодно прихватить миску пельменей.

— Пельмени с тремя деликатесами или с креветками?

— ...Сестрица, у тебя точно расставлены правильные приоритеты?

— Считаю, что забота о начинке пельменей абсолютно безупречна, — со строгим видом изрекла Лю Руянь. — Пельмени, о которых человек вспоминает перед смертью, обязаны быть невероятно вкусными.

Шэнь Цзинчжэ вдруг заговорил:

— Их понесут для меня.

Мы с Лю Руянь одновременно воззрились на него.

Выражение лица Шэнь Цзинчжэ не изменилось, но я заметил, что суставы пальцев, сжимавших меч, побелели еще сильнее.

— Десять лет назад, когда я был ранен, — медленно проговорил он. — Сюй Ань тогда стащил из секты две склянки пилюль и принес мне. Но он не знал, что часом раньше к тому же месту приходил кто-то еще.

— Кто?

— Человек, с головы до ног укутанный в черный плащ. Лица он не показал, лишь скормил мне пилюлю и бросил фразу.

— Какую?

— Выживай. Когда сможешь держать в руках меч, отправляйся убивать тех, кого должно.

На этих словах Шэнь Цзинчжэ надолго умолк.

— С тех пор я больше не видел этого человека. Я расспрашивал всех знакомых — никто не ведает, кто он такой. Я даже думал, что мне привиделось.

— Но судя по всему, — он опустил взгляд на ворона, клюющего хлебные крошки, — он помнит

все отчетливо. И даже про то, что я открыл пельменную, знает.

— Выходит, велеть принести пельмени просили не ради вкуса...

— Это условный знак, — ответил Шэнь Цзинчжэ. — Он дает мне понять, что наблюдал за мной безостановочно. От десяти лет назад и до сегодняшнего дня.

Багровые глаза этого ворона.

Те древние Узоры Разрыва Миров.

Тот таинственный незнакомец, что десять лет назад у края обрывистой скалы спас нас обоих с Сюй Анем.

Он при смерти.

Равнина Белых Костей.

Трое суток.

Я поднялся, ноги наконец обрели послушание. Глубоко вздохнув, я обратился к воробцу, продолжавшему клевать крошки:

— Веди.

Ворон вскинул голову, издал заурядное карканье, взмахнул крыльями и уселся на ветку старого вяза у крыльца.

Дальше лететь он не стал.

Просто примостился на ветке, склонив голову набок и рассматривая нас.

— Что это значит? — поинтересовалась Лю Руянь.

— Полагаю... — предположил я, — он намекает не на то, что нужно срываться сию секунду, а на то, что сперва стоит доест пельмени?

— ...Этот ворон сообразительнее тебя.

Лю Руянь повернулась и шагнула на заднюю кухню.

Шэнь Цзинчжэ последовал за ней.

Мгновение спустя оттуда донесся перестук ножа о фарш.

Стоя на пороге, я глядел на ворона, чистившего перья на вязе. Утреннее солнце пробивалось сквозь листву, озаряя его черное оперение слабым-слабым золотистым сиянием.

То был не естественный цвет птицы.

То светились руны на черной бамбуковой трубке, активированные лучами солнца.

Узоры Разрыва Миров.

Пятитысячелетней давности.

Загадочный спаситель, вытащивший меня с того света десять лет назад.

Он ждет на Равнине Белых Костей.

И ждет порциюпельменей.

Перебирая в голове все зацепки разом, я выстроил догадку, от которой желудок сжался в тугой узел:

Тот человек в ту ночь десять лет назад спас нас с Шэнь Цзинчжэ одновременно. Он осведомлен, что позже Шэнь Цзинчжэ открыл пельменную, знает о каждом моем законе, произнесенном силой слова, и в курсе всего, что стряслось в день моего возвышения в Святые.

Ему известно слишком многое.

Тогда как я до сих пор не ведаю ни как он выглядит, ни как его зовут, ни друг он или враг.

Известно лишь, что он умирает, находится на Равнине Белых Костей Северного Домена и сам отправил себе предсмертную посылку.

Плата за доставку — миска пельменей.

— Сюй Ань, — голос Лю Руянь донесся из кухни. — Тебе с тремя деликатесами или с креветками?

— ...С тремя. И меньше зеленого лука.

— Почему меньше?

— Потому что мне в дорогу. Наеდიшься лука — начнешь икать.

Из кухни донесся смех Лю Руянь, звонкий, как первая весенняя капель.

И низкий голос Шэнь Цзинчжэ:

— Луку побольше. Демон Меча не икает.

— Тогда положи половину.

— Клади весь.

— Подеритесь из-за этого, кто главнее.

После чего в кухне раздался глухой стук тесака по разделочной доске.

Больше не рубка фарша.

Шинкование лука.

Запах лука поплыл из кухни, смешиваясь со свежим утренним воздухом и ароматом цветов вяза, превращаясь в нечто неопишное.

Аромат пельменей, аромат зеленого лука, запах цветущего вяза и сырость утренней росы.

Я стоял у входа в лавку, а на мое плечо опять невесть когда примостился тот самый ворон.

Он снова впился в меня своими зловещими красными очами.

На сей раз страха я не испытал.

— Кто ты в конце концов такой? — спросил я.

Ворон склонил голову.

— А кто тот таинственный незнакомец?

Ворон склонил голову в другую сторону.

— Ты ведь все равно не скажешь, верно?

Ворон распахнул крылья и хлопнул меня по лицу.

— ...

Нахожу, что этот ворон явно приходится родственником Небесному Пути.

Такой же наглый.

И с тем же аппетитом наблюдающий за чужими бедами.

Солнце поднялось окончательно, улицы поселка Цинши окрасились в золотисто-желтые тона. Издалека донеслось кукареканье — все с тем же вопросительным ладом. Поближе доносились перепалки Лю Руянь и Шэнь Цзинчжэ из-за количества лука. На плече примостился ворон, норовивший отвесить мне пощечину.

Позади возвышался старый вяз.

Под вязом — лавка с вывеской «Пельмени с тремя деликатесами».

Эта лавка была моим единственным домом после спуска с гор.

А ныне на севере нас ждал человек, что десять лет назад оберегал нас из тени.

Отправиться к нему с миской пельменей — чтобы спасти его или проводить в последний путь.

Я вдруг вспомнил слова, сказанные мне вчера Небесным Путем:

«Вердикт Святого: пустые слова не в счет».

Но кое-какие вещи никогда не были пустыми словами.

Таинственный незнакомец бросил «выживай», и Шэнь Цзинчжэ выжил. Я изрек «без моего позволения умирать запрещено», и Шэнь Цзинчжэ действительно не умер.

Речь обладает силой.

Она обрела ее задолго до того, как я стал Святым.

— Пошли, — Шэнь Цзинчжэ вышел, неся дымящуюся миску пельменей, и сунул ее мне в руки.

— Доешь — и в путь.

— Что за «доешь — и в путь»? Нехорошая фраза.

— Поешь — и в дорогу, — не моргнув глазом исправился Шэнь Цзинчжэ.

Лю Руянь вышла из кухни со своей пиалой и примостилась рядом, заглянув в мою тарелку.

— Ого, у тебя луку в полтора раза больше, чем у меня.

— Потому что он Святой, — пояснил Шэнь Цзинчжэ.

— А какое отношение Святой имеет к зеленому луку?

— Святому нужно есть больше лука, чтобы его слова звучали весомее.

— ... — Лю Руянь на долгое мгновение замерла, вперившись в Шэнь Цзинчжэ взглядом человека, увидевшего его впервые. — Ты сейчас... пошутил?

— Нет.

— Тогда почему у тебя уголки губ дергаются?

— Паралич лицевого нерва, — Шэнь Цзинчжэ подхватил свою миску с пельменями и развернулся обратно к кухне. — У людей с параличом лица временами подергиваются уголки губ.

Лю Руянь придвинулась ко мне и шепотом спросила:

— У него правда паралич или он притворяется?

— Правда. Но паралич не мешает ему язвить.

— Заметно.

Солнце светило прекрасно.

Пельмени обжигали.

Лука было вдоволь.

Ворон по-прежнему сидел на моем плече, жадно пялясь в тарелку. Я отломил ему маленький кусочек теста и бросил вниз; птица проглотила его и вновь уставилась на еду.

— Твой ворон ест пельмени?

— Он только что человеческим голосом разговаривал. Подумаешь, пельмени.

Лю Руянь нашлась что возразить, но промолчала.

Закончив завтрак, мы принялись собирать вещи. По сути, свалили в кучу мой матерчатый узелок, пространственный мешок Лю Руянь и покрытый ржавчиной железный меч Шэнь Цзинчжэ, прихватив вдобавок десяток коробок с сырыми пельменями.

Пункт назначения: Равнина Белых Костей Северного Домена.

По преданиям, то место — мертвая земля, на тысячу ли кругом не растет ни травинки, повсюду лишь белые кости. Три тысячи лет назад там разыгралась великая битва, в которой сотни тысяч культиваторов как праведного, так и демонического путей нашли свой конец, а кости навалились горами, и за тысячу лет злоба так и не рассеялась. Живые люди из мира бессмертных ступают туда крайне редко.

А теперь там находился таинственный незнакомец, спасший меня в прошлом.

При смерти.

И он ждал нас.

Ворон расправил крылья и взял курс на север. Сделав круг в небе, он обернулся и каркнул мне.

Смысл был более чем ясен: следовать за ним.

Глядя на остатки золотистых рун, мерцавших на вороньих крыльях, я глубоко вздохнул.

— Выдвигаемся.

<http://bllate.org/book/21206/2146453>